

Библиотека
журнала
ЦК ВЛКСМ

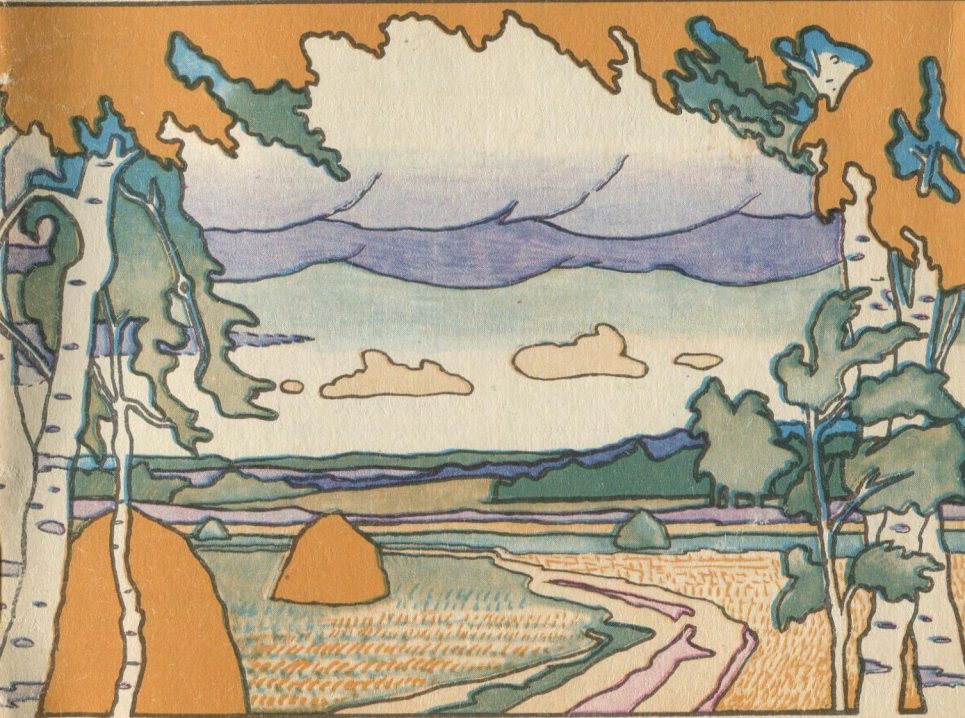

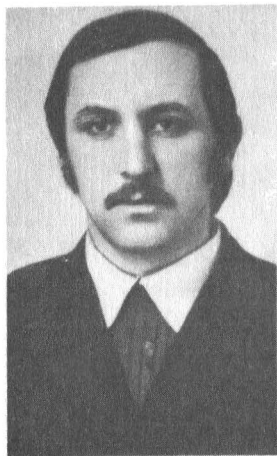
МОЛОДАЯ
ВАРДИЯ

1987

Валерий ХАТЮШИН

ДЕРЕВЬЯ СОБИРАЮТСЯ В ДОРОГУ

Валерий ХАТЮШИН родился в городе Ногинске Московской области. Там же закончил среднюю школу. Служил в Советской Армии. Затем по комсомольской путевке уехал на строительство газопровода «Сияние Севера». Работал монтажником на сооружении КамАЗа, на стройках Москвы.

Был участником VII Всесоюзного совещания молодых писателей. Стихи печатались в «Литературной газете», в альманахе «День поэзии», в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Сельская молодежь», «Молодая гвардия».

Есть в стихах Валерия Хатюшина заботливая осторожность: как бы не пройти равнодушно мимо того, что ты должен обиходить, укрепить и передать дальше... Ну, скажем, яблоню, поле, тропу детства, родник!

Чувство доверчивости, чувство земной доброты дают слову поэта хороший тон, естественность правды, достоверную человечность. Такие извечные качества формируют наш взгляд, нашу судьбу и жизнь.

Биография поэта складывается не только из опыта и биографий близких ему людей, из прочитанных книг, но прежде всего — из тех дорог, которые прошел он сам, из тех бесконечных раздумий, которыми он укрепляет свою совесть, свое гражданское начало. Труд, упорный и долгий, поездки по стране, заводы, стройки, рабочий коллектив, рабочая прочность нравственности — большое подспорье Валерию Хатюшину и в творчестве, и, разумеется, в нашей непростой жизни. Ведь жизнь любит честное дело, жизнь ценит честное слово...

Стихи Валерия Хатюшина — не тихая лирика, не ораторские восклицания. Его стихи — его нежная дума о материнской земле, его благородная скромная забота о хлебе насущном и о мерцающем облаке в небе. Не должно исчезнуть бесследно то, что радует тебя ныне, что поможет внуку твоему завтра...

Валентин СОРОКИН

Библиотека
журнала
ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

1987

Валерий
Хатюшин

Деревья
собираются
в дорогу
Стихи

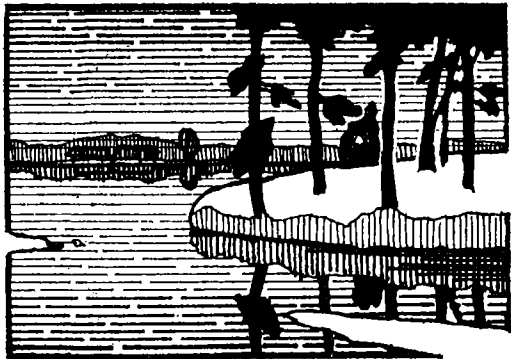
Москва
«Молодая гвардия»
1987

Художник Валерий ЗАВЬЯЛОВ

Адрес редакции: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.

© **Издательство «Молодая гвардия»
Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1987 г.
№ 25 (288).**

Выпуск произведений в Библиотеке журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» приравнивается к журнальной публикации.

ДОЛГ

Жили предки мои на калужской земле,
дед до старости был кузнецом на селе.

Всякий знал в Концеполье того кузнеца,
в Концеполье, где полю не видно конца.

...А земля под Калугой тверда и суха,
мужику дорога борона и соха.

От истертых подков лошаденка плоха...
И мой дед молодой раздувает меха.

Он в огне докрасна раскаляет металл,
как учил его дед, как отец наставлял.

И гудит наковальня, и молот поет!
На селе кузнецам и доньне почет.

Дед и сам прокалился кузнечным огнем.
Но фамильное дело заглохло на нем.

Поспешила война сыновей загубить...
Мне осталось одно: никогда не забыть,

что он верно пронес по прямой борозде
пепел предков своих на седой бороде.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Россия — Млечный Путь
моих скитаний вечных,
который никакой
длиной не измерим.
Средь россыпи ночной
миров межзвездно-млечных
России светлый путь
душой не обозрим.

Вселенная — она.
Сама себе планета.
Огромней всех иных —
безжизненных планет.
...Все ль выскажу я ей
от ночи до рассвета?..
Все ль скажет мне она,
когда придет рассвет?..

КОРНИ

Деревья собираются в дорогу.
Они бы в тайном сговоре могли

в ночном тумане скрыться понемногу,
но корни их стремятся в глубь земли.

Какую непонятную тревогу
они забыть хотели бы в пути?
О, как деревья тянутся в дорогу!
Скрипя стволами, селятся пойти.

Их день и ночь безудержные ветры
зовут в свою раздольную страну,
они туда, склоняясь, тянут ветви,
но корни их уходят в глубину.

Им снится край светлее и просторней,
и шум листвы не умолкает в нем...
Но с каждым днем уходят глубже корни,
держась за землю крепче с каждым днем.

РАССВЕТ

Ночь уплыла. Я грустен был недолго.
Весенний воздух чист и несогрет.
Я вспоминаю: до сих пор на Волге
не приходилось мне встречать рассвет.
Еще ничто не предвещает чуда.
Еще прохладно в сумраке дерев.
Но слух уже улавливает чутко
среди шума птиц единственный напев.
То соловей вздох встречает солнце!
Оно уже, блестя в листве берез,
играя волжской зыбью полусонной,
слепит глаза до боли и до слез.
Паром скрипучий, нехотя качаясь,
в лучах нежгучих рад бока погреть,

и выцветшие бакены, как чайки,
склонившись набок, сияют взлететь.
В густую синь реки с обрыва глядя,
я мог бы долго над водой стоять,
когда б «Ракета» по зеркальной глади
не пронеслась, кромсая эту гладь.
Разрезанные надвое волною,
кривились баржи, церкви и леса...
Над взорванной внезапно тишиною
раскачивались птичьи голоса.
Но Волга вдаль все звуки уносила
и, величавой плавности полна,
мне силу красоты своей дарила,
той красоты, что в ней отражена.
...Полощет Волга солнечные блики
среди лесов, вдоль зелени полей,
и мы за то зовем ее великой,
что вся Россия отразилась в ней.

* * *

Я шагаю устало
от Москвы на восток...

Что-то птица сказала —
я расслышать не смог.

Сколько хватит мне силы,
столько буду шагать.

Голос неба России
я хочу разгадать.

Всюду прежние лица,
всюду голос родной.

Но о чем эта птица
говорила со мной?..

ВETERАНЫ

И страны моей, и ваши раны
в большинстве своем заживлены.
И не шрамы ваши, ветераны,
не дают забыть вам той войны.

Мало вас, людей такого рода,
не из книг узнавших о войне,
ей отдали вы четыре года —
сорок лет с ней видите во сне.

Сорок лет вам снится все сначала:
как в разрухе, в голоде, в огне
не война, а смерть, как вихрь, гуляла —
страшная — по молодой стране.

Вам доньше души обжигает
смерти взгляд, который не забыть,
по ночам в холодный мрак ввергает...
Муки этой вам уж не избыть.

А героев, скажем откровенно,
нам не все известны имена.
Пули находили вас мгновенно,
до сих пор вас ищут ордена.

И еще сидят осколки возле
сердца, боль впитавшего сполна...
Жизнь делили вы на *до* и *после*,
до и *после*, посреди — война.

ДРУГУ

Вспоминаешь ли ты
о холодном сиянье вокзалов,
по которым не раз
мы бродили с тобой по ночам?
Где мы не были, друг,
и куда только нас не бросало,
в нашей долгой стране
по каким не прошли
городам?

Вспоминаешь ли ты
о печали российских пейзажей?
И с какою тоской
мы из окон глядели на них?
По железным путям
со своей худосочной поклажей
мы летели на Север,
похлебку деля на двоих.

Ты о прошлом своем,
верю я, не жалеешь нисколько.
Ты растратить не мог
в неподкупной душе простоты.
Нам в бездомном пути
было голодно, весело, горько.
Эту славную жизнь,
дальний друг,
вспоминаешь ли ты?

КОЛОДЕЗНАЯ ВОДА

Она в глубокой тьме таятся,
чистейшей свежести водица.

В народе названа — живой.
И на Руси была — святой.

От солнца прячется в кринице,
в его лучах не серебрится.
И эта вечная вода
не замерзает никогда.

Но коль над нею поклониться,
увидишь звезд далеких лица.
Хоть днем на небе не видны,
но в ней они отражены...

А рядом реченька струится —
ее печальная сестрица,
на всех изгибах спрямлена,
забыла рыбаков она...

Но глубоко в земле таится
прозрачной свежести водица,
храня упорно для людей
целебность чистоты своей.

От света прячется в кринице,
в лучах небес не серебрится.
Хоть днем на небе не видны,
но звезды в ней отражены...

СТАРЫЙ БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Зеленеет буйно старый сад,
и над ним с утра неугомонно,
надрывая душу, голоса
городские жители — вороны.

Яблони роняют лепестки,
и сирень тоскливо отцветает.
Выхлопному смраду вопреки
здесь медвяный хмель благоухает.

А когда в сиянье фонарей
меж ветвей ночная тьма клубится,
настоящий звонкий соловей
выдает коленца над столицей.

Щелкает, залиvisto свистит,
и выходят люди на балконы,
полквартала в этот час не спит,
вглядываясь в ночь заворуженно.

Ты откуда, милый, взялся тут,
у проспекта, что гудит всечасно?
Где моторы бешено режут —
песнь твоя нелепа, но прекрасна.

Ты подольше не смолкай, певец!
Мы сомкнем глаза лишь утром ранним.
Сколько ты иссохшихся сердец
заставляешь биться с замираньем!

Как отвыкли мы от тишины!
Как привыкли мы к ударным звукам!
И теперь живую песнь весны
уловили утомленным слухом.

И машины грохотом ночным
заглушить не могут чудной трели.
И заводов тает черный дым,
и дитя стихает в колыбели...

ГОЛОС

Как от лопнувшей почки зеленой
могут вздрогнуть небесные своды,
так однажды в груди раскаленной
пробуждается голос природы.

И теперь вот, в натянутых нервах
ощущая подземные токи,
я поверил, что в каменных недрах
отзываются звездные вздохи.

На сибирских и лунных равнинах
стынет взгляд одного созерцанья...
И, быть может, в глазах муравьиных
отражается полмирозданья.

Мы морщинку за старость не примем,
все предчувствия просто отбросим,
забывая, что в малом, незримом
есть ответ на большие вопросы.

Звезды слезы на землю роняют...
Мы в сомнениях долго пребудем...
И, пожалуй, лишь атомы знают,
что до срока неведомо людям.

ПОМНИТЬ!

Растут у народа сыны —
надежда и сила отечества.
Судьба — от войны до войны —
жестокая у человечества.

Война на планете людей...
Казалось бы — можно отчаяться.

Но если мы помним о ней,
то, значит, она не кончается.

У сладостной жизни в плену
спасает нас память суровая.
Когда забывают войну —
тогда начинается новая.

ПРОШЛОЕ

Нет, не проходит жизнь бесповоротно,
вновь протечет сквозь нас ушедший час.
Не думайте, что прошлое бесплотно,
оно еще воротится не раз.

Былую боль, как старую простуду,
несем в себе и к ней давно глухи.
Но добрые дела нас не забудут
и не оставят прежние грехи.

А новое так редко ожидает,
и будущее — старый наш дневник.
На дне души тревожно оседает
минувшей жизни нашей каждый миг.

Не нужно быть, пожалуй, слишком дошлым,
чтоб все предвидеть на своем пути...
Грядущее не раз нам снилось в прошлом,
а прошлое мы встретим впереди.

* * *

Ю. Никоньчеву

Тая обиды про запас,
бывает, связи рвем с друзьями,

но жизнь всегда сближает нас
с людьми, которых стоим сами.
Мы лжи боимся, как чумы.
Но для других честны всегда ли?
И вспомним, что когда-то мы
чужих надежд не оправдали.
Во зле никто не обвинит,
но ожидания напрасны,
что случай вдруг соединит
с людьми, которые прекрасны.
Мы перед совестью своей
за все ль останемся спокойны?
А жизнь приблизит к нам друзей,
которых будем мы достойны.

* * *

Человек, останься сам собою,
не гаси в душе огонь святой,
чтоб однажды крошечной звездой
мог и ты возникнуть над землей.

Живы мы — и звезды не померкнут,
в чьи-то лица вечностью дыша,
и во мгле останутся бессмертны
наша память, разум и душа.

СЛОВО О ТРУДЕ

Дороги долгие, крутые,
с какими я теперь в родстве,
петляли долго по России —
и вот сошлись они в Москве.

На них месил я грязь и глину,
на стройках я бетон месил,
мешки с мукой, взвалив на спину,
я с барж на пристани носил.
В любой, мне выпавшей работе
я был азартен,
и всегда —
я пел.

Но на высокой ноте
срывался голос иногда.
А по ночам, презрев подушку,
еще смешон в своей среде,
уже изматывал я душу
над новым словом о труде.
Как блоки стен, скреплял я строки.
Дома росли, стихи росли...
Куда б ни шли мои дороги,
они меня в Москву вели!
Отбросив лоск и позолоту,
подобна свету маяка,
Москва в поэзию, в работу
вошла, как новая строка.

СОЛДАТСКАЯ ТЕТРАДЬ

На посту

Я слышу, как падает снег,
уснувшей земли покров.
С прожектора сыплется свет,
похожий на рой комаров.

Зверем из-под куста
ночь на меня глядит.
Кто это бродит там?
Ветер или бандит?

Вдруг — приглушенный стон.
В холод бросает он.
Двери истошный скрип.
Палец к курку прилип.

...Играет мороз на сучках,
воздух озоном пропах.
Россыпью красных монет
с прожектора сыплется свет.

Звуков всегда полна
таинственная тишина.

Февральское утро

Окно затянуло морозной слюдой,
холодно после вчерашней метели,
и поднимаюсь с последней звездой
разве захочешь из теплой постели.
Вьюга вчера налетела с востока
и, от души нагулявшись на воле,
новую песнь принесла издалека,
ту, что застыла на окнах и в поле.
...Утро. Таинственным скованы сном
пышных берез молодые верхушки.
Лишь, привлекая домашним теплом,
тянутся узенькой лентой избушки,
тускло малиновым светом горят,
в сером тумане темны и убоги.
...Еле заметны, тоскливо торчат
вешки да вешки вдоль санной дороги...

Лунный пейзаж

Фонарь в лесу заиндевавшем
похож на яркую луну,
он золотит — на ветвь повешен —
берез густую седину.
Наш вездеход на сопку лезет,
он надрывается, визжит,
дорога в розовом разрезе
назад извилисто бежит.
Из фары свет какой-то странный
чудесно стелется во мгле,
пейзажи лунной панорамы
лежат пред нами на земле...

Солдатские дороги

Ветер, туман, дождь морозящий,
свет деревень дальний, манящий.

Степи, леса, сопки, отроги...
Это и есть наши дороги.

По сугробам

По сугробам, по сугробам,
по колено увязая,
по когда-то бывшим тропам
друг за другом мы шагаем.
В сапогах оледеневших...
Лица, руки, ноги стынут.
За плечом окаменевшим
с побелевшим карабином.
А идти еще немало.
С каждым шагом — выше, выше...
Только слышно, как устало
за спиной товарищ дышит.
Ветер стонет не смолкая,
но смотреть нам нужно в оба,
глухо падая, вставая, —
по сугробам, по сугробам.
Все смешалось в серой мути,
бьет по лицам снег рогатый,
тяжело, и кто-то шутит:
мы солдаты, мы солдаты...

* * *

Широкий луг, болотистая местность,
деревня, тропка, речка, а за ней,

там, где бурьян заполонил окрестность,
все вижу я стреноженных коней.

Зачем — не знал я — ноги им связали?
Не мог я долго этого понять.
Хотелось мне в задымленные дали
на тех конях по родине скакать.

Был полон я ребячьего азарта
узнать, что́ там, за гранью ближних сел...
С пути сбивали, спутывали карты,
чтоб далеко от дома не ушел.

Но я сбежал, я с привязи сорвался
и по земле без усталости ходил,
гулял, работал, странствовал, метался,
но лучших мест нигде не находил.

И не нашел. Теперь уже едва ли
какой простор в дорогу позовет...
А было б лучше, если б удержали,
когда меня влекло за поворот?

О, как надолго с детских лет запомнил
я тех коней и ту за речкой даль...
За тридцать мне. Я что-то в жизни понял.
И времени прошедшего не жаль.

* * *

Кто я? Что я?..

С. Есенин

Тихо в хате и уютно,
только ходики кого-то

переспрашивают смутно:
кто ты, что ты? Кто ты, что ты?

За окном пейзаж осенний,
ветер листья носит воя.
У окна стоит Есенин,
повторяя: кто я? Что я?..

Вдаль он смотрит, околдован
сизой мглой полей унылых...
Мы-то знаем, кто он, что он
для просторов этих милых.

Стрелки ходиков недвижны.
Только время убывает,
всех живых оно чуть слышно:
кто ты? Что ты? — вопрошает.

ПАМЯТЬ

1

Сбежав от суеты и глупых дел,
вернулся я к истоку детских лет.
Твой ветхий дом совсем заледенел,
ведет к нему едва заметный след.
Родная, что зима тебе несет?
«Какая ж радость, бабушка, в зиме?
Когда с ней столько немощных забот
негаданно является ко мне.
К тому ж негодий, плохонький мой дом
уже не может зиму пережить,
и каждый год по осени за мхом
хожу я в лес, чтоб стены заложить.
И то ли будет, внучек, впереди!..
Знать, ты, милоч, деревню-то забыл,
гляди, давно ли сыпали дожди,
да вот уж снег ворота завалил.
Когда б заране дров не напасла,
то как бы я избавилась от бед
зимы, которым нет числа?..
Ведь мне уже за восемьдесят лет...»
Она вздохнула и пошла прилечь,
на угол помолившись шепотком...
В пустой избе потрескивала печь,
сгущалась тьма за маленьким окном...

Снег на дворе, как перина.
Печка, ухват, чугуны...
Бабушка Екатерина,
долго ль еще до весны?
Долго ли виться метели
в этой застывшей дали?
Дети твои постарели,
внуки детей обрели.
Ты в тишине доживаешь
длинные годы одна.
И, как всегда, поджидаешь
гостя, застыв у окна.
Вечером в сумрачной хате
что-то мудришь над сукном.
Слышишь ли, бабушка Катя,
снег заскрипел под окном?..

3

По бабушке справить поминки
приду я в деревню Починки,
в скупое жилище ее...
Там светится детство мое.

Неспешно по улице длинной
пройду я под крик петушиный.
Здороваясь ясно со мной,
подумают люди: чужой.

Я встречу знакомые лица,
мне память не стерла столица.
Да только в сиянии дня
никто не узнает меня.

Края повидал я другие,
но взглядом места дорогие
окину — и сердце замрет.
Дорога над речкой пойдет.

Куда б мы ни мчались упорно,
питают нас вечные корни
полей и тропинок родных,
нельзя отрываться от них.

Ведь где-то в российской глубинке
мерцает деревня Починки.
И как мне забыть про нее?
Там светится детство мое...

* * *

Проститься с прошлым невозможно.
Что значит прошлое для нас?
В холодной памяти тревожно
оно живет за часом час.
Нам часто хочется покоя,
мы от судьбы своей бежим,
и настоящее, живое
уже становится былым.
Как хочется порой забыться,
все худшее предав золе...
Но все, что было, сохранится,
пока мы живы на земле.

* * *

Сосны, сосны красные...
Белый мох-ковер...

Сумерки безгласные.
На траве — костер.

И еще несмелая
бледная луна.
Тени оголтелые...
Кто там? Тишина.

И сквозь шорох лиственный,
робостью объят,
чей-то долгий, пристальный,
невозможный взгляд...

ЦВЕТОК ЗВЕЗДЫ

В лесной тиши, в глухом затоне
речной воды
я взял в холодные ладони
цветок звезды.
Вонзился в руку, словно жало,
ее огонь,
звезда, шипя, в затон упала —
прожгла ладонь.
Тогда, склонясь над зыбкой глубиной
ночной воды,
ладони свел я и пригубил
глоток звезды...
И мне с тех пор во тьме крошечной
светло всегда,
в моей душе, земной и грешной,
горит звезда!

* * *

Я песня —
ты не слушаешь ее.

Я ветер —
но волос твоих не трону.
Ищу тебя, летаю над землей
и лишь дерев раскачиваю кроны.

Я солнце —
ты не чувствуешь тепла.

Звезда —
которой ты не бросишь взгляда.
Когда ты спишь, то ночь твоя светла
и в жаркий день спешит к тебе прохлада.

Я вся любовь —
не ищешь ты любви.

Родник —
ты не прильнешь к нему губами.
Чем стать еще? Ты только назови,
но не смотри холодными глазами.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Вот и этот праздник угасает,
поржавели рощи от дождей.
Красный вяз прощальный взгляд бросает,
уходя тропинкою своей...

Все уходят по своим дорогам:
рыжий дуб и пестрый тополек...
И в пути им вспомнится о многом,
потому что будет путь далек...

Все уйдут, смахнув слезу украдкой,
с карнавала света и тепла,
разбредутся с грустной оглядкой —
кто куда, чтоб вьюга не нашла...

Я останусь подметать лоскутья,
собирать последние дары,
жечь листву опавшую и прутья,
ждать всю зиму радостной поры...

И придут их строгие собратья
наш дворец остывший сторожить...
Буду в прятки с холодом играть я,
с нелюдимою вьюгою дружить...

До поры, когда в своих нарядах
вновь придут друзья на карнавал...
И увижу я в их нежных взглядах,
как о встрече каждый тосковал...

ТИШИНА

Полями брожу на закате
притихшего летнего дня.
Деревья далекие — в злате
залившего запад огня.
Витают над нивой волнистой
померкшие души цветов,
и клевера запах душистый,
и дух сенокосных лугов.
Соцветья слетают под ноги,
едва лишь качнет суховея
осевшую пыль на дороге
и белый от пуха репей.
Кузнечики мерно стрекочут,
уж свежестью тянет с реки,
босые ступни мне щекочут
травинки и колоски...
Забыв суету заводную

и город, и грохот его,
здесь чувствуешь землю родную
и кровное с нею родство.

* * *

...И летит во мгле, пронзая
пустоту широт астральных,
словно капля голубая,
шар земной меж звезд печальных.
Как слеза из глаз Вселенной,
в мирозданье безответном,
то в вечерней дымке пенной,
то в сиянье рос рассветном.
Никого во мгле не слышно,
ничего кругом живого,
с звезд, застывших неподвижно,
не доносится ни слова.
Может, он, объятый мглою,
среди миров, себя не спасших,
был последнею слезою
из очей, давно погасших?..

ВЬЮГА

Что там ночь колдует?
Что готовит нам?
Зябко ветер дует
меж оконных рам.

Словно кто-то хочет
окна распахнуть.
Я в такие ночи
не могу заснуть.

Как люблю я слушать
вьюги свист ночной!
Он мне рвется в душу,
будто крик родной.

Он глаза туманит
мне ли одному?
И так жутко манит
за собой во тьму...

КОМЕТА

Глубокой ночи покрывало
прожгла комета и ушла.
В каких мирах она блуждала?
Какую даль себе нашла?

Ее полет, полет бесшумный
сквозь призму судеб и зеркал,
быть может, чей-то взгляд разумный
в иных пределах созерцал.

И я без грусти провожаю
тот свет, что тайною слепит,
и кто-то вновь во тьме без края
его спокойно проследит.

И долгий след в груди оставит,
как озаренье, как привет...
Пройдут века, ее прославит
другой неведомый поэт.

Кометы путь и свет манящий,
поэт, не ты ль один постиг?

Сквозь день и ночь строкой летящей
из мира в мир, из мига в миг...

КОГДА ПОЭТА ПЕРЕВЕЛ ПОЭТ

В одной строке соединились души
и прозвучали новой строкой.
Так на границе волн морских и суши
гудит и буйно пенится прибой.

О, как горит осенний лист кленовый,
лежащий беззвучно в мокрый след!..
Звучит над миром чей-то голос новый,
когда поэта перевел поэт.

Чей этот странный голос — непонятно,
ему еще названья даже нет.
Так тучи в небе, что разнозарядны,
рождают над землей мгновенный свет...

И всякий раз, когда сольются двое,
два мира, два таланта, две любви,
возникнет нечто новое, другое,
с неведомым волнением в крови.

Ворвутся в душу ветры ледяные,
звезда падет среди кромешной тьмы...
Нам неверны стихи переводные,
их автор кто-то третий, но не мы.

ОТВЕТ

Тане

А ты сказала: «Будь мне другом»,
кого-то в памяти любя.

Но нет, я вовсе не с испугом
смотрел на близкую тебя.

И видел я, как мы несхожи,
как небо хмурилось в окне...
Но все понятней и дороже
твои печали были мне.

Такой ли встречи ты хотела?
Но все ж разладить не спеши
поэзии мужское дело
с наивной детскостью души.

Когда за стенкой веселятся,
клянeshь ты долюшку свою,
не разучившись удивляться
траве, стрекозам и ручью.

И даже, снегом занесенный,
тебе стозвонно лес поет,
где твой соловушка бессонный
свиданья ждать не устает...

ПОЕЗДКА

Луна бледнела в облаках,
синел рассвет хрустальный.
Трясло «Ракету» на волнах,
как на доске стиральной.

Исчезла псковская земля,
и смолкли чайки вскоре.
Чудское озеро, бурля,
раскинулось, как море.

Баркас промчался мимо нас,
в лицо бил ветер резкий,
и, к удивленью, тот баркас
был «Александр Невский».

Поднялся тут ребячий гам,
не унимались дети...
А мы к эстонским берегам
летели на «Ракете».

...Край солнца выглянул, как серп,
и я, глаза прищурив,
в его лучах увидел Дерпт,
иль русский город Юрьев.

И подчинились мы с тобой
веселому азарту,
когда, причалив, день-деньской
гуляли в Старом Тарту.

Старинной крепости подвал
был маленькой харчевней,
я в ней с тобою побывал,
как будто в сказке древней.

Там словно капельки росы
в глазах совы синели...
На башне ратуши часы
старинные звенели.

Как жаль, что нужно плыть назад...
И к берегу родному
тряслись мы три часа подряд
по озеру Чудскому.

В корму врезался каждый вал,
мы были как хмельные...

И ветер волосы трепал
и без конца в лицо бросал
нам брызги ледяные!

* * *

Разлуки лед. Октябрь. Сухие листья
ложатся тихо в мокрые следы.
Я снова перечитываю письма,
что целый год ко мне писала ты.

Все то, что было, мне забыть непросто.
Как охладеешь к памятным местам,
где каждый тополь, каждая березка
до глубины души знакомы нам?

Когда тебе безмолвие ночное
навеет грусть в слезящемся окне,
то что-то очень близкое, родное
еще не раз напомнит обо мне.

Еще хранятся прежние приметы
и не сотрутся в памяти вовек,
сияют наши летние рассветы,
белеет наш с тобой прощальный снег...

УЕДИНЕНИЕ

I

Аллеи Братцевского парка
прямы, тенисты и тихи.
Полянок травы блещут ярко,
овраги — в зарослях ольхи.
Воздушный тополиный хлопок
летит, не чувствуя земли...
Средь извивающихся тропок
аллеи стройно пролегли
над кольцевой автострадой,
над речкой узенькой... Они
мне стали грустною отрадой
в мои нерадостные дни.
Когда брожу я в парке этом,
в его вечерней тишине,
и небо темно-синим светом
сулит успокоенье мне,—
все растворяются невзгоды,
что в сердце я сюда принес,
в живом дыхании природы —
в чуть слышном шелесте берез...

II

Деревьев шепота не слышно,
не вздрогнет ни один листок,
застыли облака недвижно,
и погружен во тьму восток.
И одинокий голос птицы
над рощей постепенно смолк.
Росою кое-где искрится
травы темно-зеленый шелк.
Но все же кто-то неусыпно
за этой тишиной следит,
он меж деревьев ходит скрытно
и в ночь пронзительно глядит...

III

Там чудеса...

А. С. Пушкин

Люблю вечернею порой
глубь затихающего леса,
когда клубится предо мной
тумана дымная завеса.
С неясной странностью люблю
деревьев темных окружение
и взглядом пристальным ловлю
ветвей внезапное движение.
И все мне кажется: вот-вот
я встречу сказочное что-то,
русалка за руку возьмет,
заманит леший на болото...
Кто это съезжился на пне?
Чьи там глаза блестят в тумане?
Трепещет сердце, страшно мне!
А сумрак все сильнее манит...

* * *

Тонкая пороша и ночная тишь
забелили скаты деревенских крыш.

Сопки поседели, выцвели луга,
известью покрылись мокрые стога.

Опустело поле, птица не слышна.
Полдень, а на небе бледная луна.

ОСЕННИЙ ЛЕС

В тумане сером, как завеса,
сухие листья мельтешат,
и, покидая сумрак леса,
они за птицами спешат.

Опутал корни сон унылый,
повисла в воздухе печаль,
и сиротливо лес бескрылый
глядит на птиц, летящих вдаль...

* * *

Мне почудилось в дрожи волос,
что сегодняшней ночью бессонной
вдохновение отозвалось
на далекую вспышку на солнце.
Может, звезды с орбиты сошли,
разлетаясь в иные пределы,—
я услышал, как в чреве Земли
что-то вздрогнуло и загудело.

Я метался в бетонных стенах.
Как хотелось мне, как мне хотелось
обрести неземную бестелость,
раствориться в космических снах!
Но покинуть себя самого
мне мешала неясная сила,
будто тяжестью неба всего
мои плечи к земле придавило.
И пронзил меня глас: «Не спеши.
Окрыленность приходит не сразу.
Не дано состоянью души
обогнать человеческий разум.
Став безликой частицей небес,
ты прольешься блуждающим светом,
и, свидетель вселенских чудес,
ты не раз пожалеешь об этом...»

* * *

Плывут, как письма, облака
к тебе во все концы земли,
никем не узнаны пока,
и растворяются вдали.

И я душой к тебе плыву,
не зная, где тебя найти,
как айсберги плывут к теплу,
плывут и тают на пути.

И я в мечтах о том тепле
ищу тебя по всей стране,
ищу тебя на всей земле,
ищу,
а ты живешь во мне,

* * *

Напряжена душевная струна.
Ты подойдешь, обычная на вид,
промолвишь слово только — и она,
как тонкий лучик, вздрогнет, зазвучит.
И вновь уйдешь. Но память красоты
меня к той встрече станет возвращать.
Так блеск дажно погаснувшей звезды
нам долго будет в душу проникать...

* * *

Любовь, она была случайна,
не обмануть ей сердца впредь,
ведь полюбить — проникнуть в тайну,
а разлюбить — что умереть.

Любовь любых чудес превыше,
она тогда лишь глубока,
когда, познав ее, услышишь,
как сердце бьется у цветка.

* * *

Я что-то в жизни делаю не так.
И отчего все это — сам не знаю.
Где нужно проще быть — я усложняю,
где надо быть хитрее — там простак.

Что всем понятно — для меня секрет,
но в тайны мира вникнуть порываюсь.
Идет удача в руки — я скрываюсь,
ищу я то, чего на свете нет.

Другие скажут попросту: чудак,
живи как все, и в этом есть отрада.
Ах, если б знать заранее: как надо?
Но кто на целом свете знает: как?..

ТАЙНА

Когда всем сладко спится,
лечу я в небесах
на лунной колеснице
и белых лошадях.
Я пролетаю низко,
крылами тьмы сокрыт,
и звезды, словно искры,
летят из-под копыт.
Сверкают, рассыпаясь
под окнами домов,
но люди, просыпаясь,
не видят их следов.
И я кричу: «Всмотритесь!
(Глаза у всех пусты.)
О люди, не споткнитесь
о слабый след звезды!»
...Уже светло и поздно.
Не слышно слов моих.
Идут они по звездам,
не замечая их...

* * *

Странная примета —
этот хитрый взгляд.
Мы встречались где-то
жизнь тому назад.

Что ж ты не любезна?
Что глядишь совой?
И зияет бездна
меж тобой и мной.

А ведь что-то было,
помнится, у нас,
и луна светила
нам в окно не раз...

Если доверяешь
прошлому едва,
что ж ты повторяешь
прежние слова?

Прячешь в черной замше
бледность впалых щек.
Может быть, все там же
встретимся еще...

НОЧЬЮ

В домике моем тишь,
на стене дрожит тень,
возится в углу мышь,
и спугнуть ее лень.

В доме никого нет.
А в груди моей грусть.
Не хочу включать свет,
а свеча горит пусть.

За окном луны срез,
Млечного Пути мост.

В городе кругом блеск,
я не видел там звезд.

Маятник стучит в такт
сердцу моему... Что ж,
долго просижу так,
чувствуя теней дрожь.

Шорох по углам сник.
Черная в окне гладь.
Встречу петуха крик,
а потом пойду спать.

* * *

Входишь в лес, а лес уходит в осень,
за собой тебя уводит лес,
золотые листья в блесках росных
словно звезды сыплются с небес.

Только что ж я снова чуть не плачу
от знакомой с детства красоты?
Всякий раз я чувствую иначе
этот запах влажной бересты.

Здесь моя стихия, и не нужно
мне другой, невиданной красы.
Я войти не в силах равнодушно
в лес осенний средней полосы.

Это здесь, в лесном покое нежась,
грусть свою стараясь приглушить,
сердце жадно впитывает свежесть,
чтоб до новой осени дожить...

МОЯ ЛЮБОВЬ

По ней одной всю жизнь тоскую,
среди женщин всех ее одну
не обниму, не поцелую,
не оттолкну, не обману.

Меня укор ее минует,
весь этот бред пустых обид...
Она к другим не приревнует,
в неправоте не обвинит.

Лишь ей плачу я откровеньем,
она, единственно слаба,
ко мне руки прикосновеньем
легко смахнет печаль со лба.

Когда, случилось, был я нежен,
со мной была в тот час она,
но если в чем-то был я грешен,
здесь не ее — моя вина.

Ко мне волшебный дух нисходит,
всю ночь в окне звезда горит,
когда она меня находит,
когда со мной заговорит...

Как будто вечности сиянье
сойдет в ночной голубизне,
как будто голос мирозданья
судьбу нашептывает мне.

Пусть я умчусь в любую область,
но приплывет издалека
прекрасный, чистый, женский образ,
моя любовь, моя тоска.

Я ей до святости послушен,
хоть стынет горечь на устах...
Когда она глядит мне в душу,
я вижу боль в ее глазах.

Я за нее на этом свете,
уже наученный добру,
всем существом своим в ответе,
она умрет —
и я умру.

ФОНТАН

В разгаре солнечного лета,
объехав морем южный край,
былой дорогою Поэта
я посетил Бахчисарай.
Все принижается, старея,
Столица Крыма — груды скал...
Я на могиле Хан-Гирея
без интереса постоял.
Я видел тайные чертоги,
его дворец, его шатры...
И здесь я был судьей не строгим
жестоким нравам той поры.
Но то, что в душу мне запало,
о чем не мог помыслить хан —
под сводом древнего портала
я видел мраморный фонтан.
Живой фонтан Бахчисарая!
Что паречен фонтаном слез.
Где капли падают, стекая
по лепесткам печальных роз.
Что вспомнил Он? Какие грезы
здесь русский гений пережил?

Так и лежат две свежих розы
с тех пор, как Он их положил.
И будут вечно слезы падать
из этих мраморных глазниц,
и человеческая память
не обретет себе границ...

БОЛЬ

Вологодчина, край заветный,
древнерусская сторона!
Красотой и душой — небедный,
духа гордого целина.

Ярославщины облик светлый
не померкнет в груди моей.
Днем над Волгой темнеют ветлы,
ночью звезды сияют в ней.

Псков, Владимир, Воронеж, Суздаль,
Муром, Тула, Торжок, Тамбов...
Никакая на свете усталь
не погасит мою любовь —

эту твердость и эту силу,
что таятся в моей любви,
эту жгучую боль за Россию,
не стихающую в крови...

СЛОВО

Сгорает лишь то,
что подвержено тленью.
Забудется все,

что подвластно забвенью.
Но душу всего
беспредельно живого
в себе сберегает
бессмертное Слово.

Одно лишь оно
негасимо извечно.
И звездная жизнь
перед ним скоротечна.
Все канет во тьму,
но когда-нибудь снова
наш мир воскресит
жизнетворное Слово.

* * *

Т. Г.

За что тебе судьба такая —
болезни бесконечной муки?..
Опять, плечами поникая,
к лицу ты прижимаешь руки.

Ты рождена не для страданья.
И светел он, твой дар небесный.
Вся жизнь твоя как ожиданье
чудесной сказки неизвестной.

Там васильки такого роста,
что шмель жужжит над самым ухом...
Там нет отчаянья сиротства,
и степь сладка полынным духом...

Но жизнь несла одни утраты
и по глазам с размаху била.

Ах, не надо, не надо пророчить,
что весна никогда не вернется!

Ведь недаром в застывшей аллее
прижилась перелетная птица...
Ни о чем, что ушло, не жалею.
Все проходит и все повторится.

В быстротечные вешние воды
очень скоро снега обратятся,
и мои промелькнувшие годы
неизбежно ко мне возвратятся...

БАЛТИЙСКОЕ НЕБО

Белый берег

Лиловый вереск,
изумрудный мох
и беспредельность
белизны песчаной...
И плоский берег,
выгнутый, как рог,
сливается с водой
в дали туманной.

Все гуще лес,
и все туман бледней,
а небеса и море
темно-сизы.
И прибалтийской осени
капризы —
природы щедрый дар
душе моей.

Одна коса
сменяется другой...
Как день пройдет в пути —
и не заметишь.

Идешь, идешь —
и ни души не встретишь.
Безлюдье, тишь,
блаженство и покой...

Ночь

Луна над морем
штормовым,
маяк мигает
в отдаленье,
кипенье волн
и звезд круженье
сквозь облаков
зеленый дым.

И, в лунном свете
серебрясь,
под небо
гребни волн взмывают,
пологий берег
размывают,
бурля, играя,
веселясь.

Все блещет,
все озарено...
Грохочут волны
громогласно!
И на ветру стоять
опасно,
и спать в такую ночь
грешно...

Шторм

Люблю, когда ревут
могучие валы
и чайки высоко
кружат с тоскливым криком,
когда высоких сосен
красные стволы
качаются вблизи
с гудением и скрипом.

Когда свинцовых туч
стремителен полет,
когда они вдали
сливаются с волнами,
когда поток воды
на землю небо льет
и будто бы грозит
трескучими громами.

Как весело в тот миг
стоять на крутизне,
сливаясь всей душой
с безудержной стихией,
и знать, что стаи туч,
взгляд леденящих мне,
над Балтикой летя,
прольются над Россией...

Облака

Это море
в душу мне войдет,
я запомню,

как оно поет,
как висят,
приплыв издалека,
облака над морем, облака.

Я смотрю,
взобравшийся на холм,
как бегут
барашки белых волн
и воды касаются слегка
облака над морем, облака.

Этот шумный, пенистый прибой
навсегда останется со мной,
и, быть может,
черная вода,
мы простимся тоже навсегда.

Вспомню я,
и нежен, и угрюм,
этот гулкий,
бесконечный шум,
вновь увижу я издалека
облака над морем, облака...

Рига

Площадь Домского собора,
стреловидность красных крыш...
Я вернусь, мой друг,
не скоро
к тем камням,
где ты стоишь.
Ветер северный,

сентябрьский
продувает нас насквозь.
В старый город этот
райский
дай нам бог
прийти не врозь.
Не для этого ль
возврата
нам кивнули
с высоты
разноцветные «три брата»,
башен черные коты?..
И в дороге нашей мгlistой,
верю я,
не раз блеснет
в Даугаве
серебристой
отраженный небосвод...

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Поэма

Ее лесов безбрежных колыханье...

М. Ю. Лермонтов

I

Люблю осенний дождь
в вечернем полусвете,
когда бредешь один
аллеей золотой,
и кажется тебе —
уже никто на свете
здесь, на сырой тропе,
не встретится с тобой.

Бредешь один,
шурша
опавшею листвою,
и хочешь, чтоб еще
продлился дивный час
дождливой тишины,
объятой полутьмою,
чтоб этот полусвет
прекрасный
не угас.

Что вспомнится тебе?
Тоска ли вдруг объемлет?
Иль некая печаль
разбудит боль души?
Но сердце не грустит,
оно покою внемлет,
и сладостный восторг
разлит во всей тиши.

Дождь шелестит в листве,
течет по темной хвое,
осенний мелкий дождь,
не знающий конца.
И небо надо мной —
размытое, седое,
но от холодных брызг
не прячу я лица.

И грезится, что мне
нет ничего дороже
счастливых тех минут
в вечерней полумгле...
Промокнув и устав,
домой вернусь
и все же —
не в силах усидеть.
в уюте и в тепле.

И я опять пойду
бродить среди деревьев,
застыну у пруда,
подернутого сном,
и буду вдаль смотреть,
где в сумерках деревня
подмигивает мне
малиновым окном.

И в этой тишине
не слышишь, как ни странно,
ни гула поездов,
ни грохота машин.
И думаешь —
вот миг
единственно желанный,
и помнишь целый год
лишь этот миг один:

дождливый полусвет,
межлиственную просинь,
что тает на глазах,
переходя во тьму...
Я осенью рожден...
Как мне отрадна осень!
Как сладко слиться с ней
и сердцу, и уму!

Пусть годы утекут,
пусть я в своем скитанье
за тридевять земель
когда-нибудь умчусь,—
покуда вижу я
во мгле
ее мерцанье,
я родины своей
любить не разучусь.

Покуда на земле
она в лицо мне дышит
и свежестью своей
мне серебрит виски,
родную песнь лесов
душа моя расслышит

и не захочет знать
ни страха, ни тоски.

II

Я помню домик наш
в глуши пристанционной,
одним своим окном
он упирался в лес.
Цветущий,
и грибной,
и снегом занесенный,
о, сколько мир лесной
мне подарил чудес!

Он с первых дней моих
стал самой главной школой,
родительским крылом
и лучшею из книг.
Вникал я в шум его
то грустный, то веселый,
и птиц
распознавал
загадочный язык.

И с детских лет в меня
навек запасть успели:
дурман лесных болот
и скошенной травы,
крапивы горький дух,
осенний запах прели,
пуховых камышей
и сброшенной листвы...

Не потому ль, что я
крестьянского сословья, —
в себя впитал и вновь
я впитывать готов
спокойную красу
родного Подмосковья,
его лесных озер
и луговых цветов.

Кончался летний день,
и солнце красным шаром
висело меж берез,
даря холодный блеск;
и, будто изнутри
охваченный
пожаром,
сквозь лиственную дрожь
просвечивался лес.

И я входил в него —
в примолкший, жутковатый,
повергнутый во мрак
за несколько минут.
И, непонятным мне
предчувствием объятый,
я ждал, когда во тьме
деревья оживут.

Я ждал, когда они
потянутся друг к другу,
когда одно из них
ветвями поведет;
листвою шелестя,
оно пойдет по кругу,
ну а за ним и все
вольются в хоровод.

Качаясь широко
и крылья подымая,
они вокруг меня
закружат все быстрее,
и к звездным небесам
взлетит их песнь лесная,
и яркий синий свет
вдруг брызнет из-под пней...

Стою, заморожен,
не ведая испуга,
гляжу, едва дыша,
на танец их ночной...
Но кто-то
за рукав
потянет к цепи круга,
лаская мне лицо
холодною листвою.

Захватит, увлечет
в неистовом круженьи,
играючи, легко
поднимет над собой...
То время утекло...
и только в упоеньи
все так же я во сне
летаю над землей.

III

Я помню теплый дождь
в сентябрьской полудреме
осин,

одетых в медь,
желтеющих берез...
Внезапно сжалась грудь
в неведомой истоме,
когда мелькнула прядь
льняных ее волос...

Ровесница моя...
Что было в ней такого?
До пояса коса
и глаз голубизна...
Ей о своей любви
я не сказал ни слова.
Но мне открылась вдруг
иная новизна.

Случайно ль вспомнил я
ненужную подробность?
Как знать...
Но с той поры
я начал узнавать
в природе и любовь,
и скрытую способность
сочувствовать, жалеть
и сопереживать.

Грустил я —
и она
мне тихо отзывалась,
вдыхала в сердце мне
свеченье доброты.
Когда ее душа
с моей душой сливалась,
то проникал я в смысл
нетленной красоты.

Как будто предо мной
вставал прекрасный облик,
что мудрость и любовь
земли
в себя вместил...
И чувствам молодым
я находил в ней отклик,
как из людей ни в ком
еще не находил.

Природа... Чистый свет
над головой струится...
Нет, друг у друга нас
теперь уж не отнять...
На этой вот земле
я должен был родиться,
чтоб мы всегда могли
друг друга сохранять.

Земля моих отцов,
российская равнина,
лесная благодать
и луговой простор!—
Где после гроз любых
приветят, словно сына,
единственное — что
мой не насытит взор.

Пусть праздные слова
еще звучат нередко,
но сознает земля,
кто не изменит ей...
Всею плотью, всем собой
и всею кровью предков
навеки я сращен
с родной землей моей.

IV

Вновь накатили вы,
мои воспоминанья.
Не тороплюсь ли я
итоги подводить?
Иль это грустный дождь
и трепет увяданья
смогли во мне на миг
печаль разбередить?..

Но сердце не грустит,
оно покою внемлет.
О прожитых годах
в нем сожаленья нет.
Взгляд по́ небу скользит
и радостно приемлет
дождливой тишины
осенний полусвет.

Дождь шелестит в листве,
течет по темной хвое,
и так приятно мне
разглядывать с тропы,
как рассыпает клен
круженье золотое,
как сбрасывают медь
безмолвные дубы.

Бреду один, шурша
опавшею листвою,
и у судьбы прошу,
чтоб не кончался час
осенней тишины,
объятой полутьмою,
чтоб этот чистый свет
в душе моей не гас.

СОДЕРЖАНИЕ

Долг	3
Млечный Путь	4
Корни	4
Рассвет	5
«Я шагаю устало...»	6
Ветераны	7
Другу	8
Колодезная вода	8
Старый Ботанический сад	9
Голос	11
Помниты!	11
Прошлое	12
«Тая обиды про запас...»	12
«Человек, останься сам собою...»	13
Слово о труде	13

СОЛДАТСКАЯ ТЕТРАДЬ

На посту	15
Февральское утро	16
Лунный пейзаж	16
Солдатские дороги	17
По сугробам	17
«Широкий луг, болотистая местность...»	17
«Тихо в хате и уютно...»	18

ПАМЯТЬ

1. «Сбежав от суеты и глупых дел...» .	20
2. «Снег на дворе, как перина...» .	21
3. «По бабушке справить поминки...» .	21
«Проститься с прошлым невозможно...» .	22
«Сосны, сосны красные...»	22
Цветок звезды	23
«Я песня — ты не слушаешь ее...»	23
Прощальный взгляд	24
Тишина	25
«...И летит во мгле, пронзая...»	26
Вьюга	26
Комета	27
Когда поэта перевел поэт	28
Ответ	28
Поездка	29
«Разлуки лед. Октябрь. Сухие листья...» .	31

УЕДИНЕНИЕ

I. «Аллеи Брагдевского парка...» .	32
II. «Деревьев шепота не слышно...» .	33
III. «Люблю вечернею порой...» .	33
«Тонкая пороша и ночная тишь...» .	34
Осенний лес	34
«Мне почудилось в дрожи волос...» .	34
«Плывут, как письма, облака...»	35
«Напряжена душевная струна...»	36
«Любовь, она была случайна...»	36
«Я что-то в жизни делаю не так...»	36
Тайна	37
«Странная примета...»	37
Ночь	38
«Входишь в лес, а лес уходит в осень...» .	39
Моя любовь	40
Фонтан	41
Боль	42

Слово 42
«За что тебе судьба такая...» 43
«Кáк это было? — понять не могу...»	. 44
Зимняя песня 44

БАЛТИЙСКОЕ НЕБО

Белый берег 46
Ночь 47
Шторм 48
Облака 48
Рига 49

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ (<i>поэма</i>) 51
--	------

Валерий Васильевич ХАТЮШИН
ДЕРЕВЬЯ СОБИРАЮТСЯ В ДОРОГУ

Ответственный за выпуск **В. Кирюшин**
Редакторы **И. Жеглов, И. Шевелева**
Художественный редактор **Г. Комаров**
Технический редактор **Н. Александрова**
Корректор **Г. Василёва**

Сдано в набор 02.12.86. Подписано в печать 23.04.87. А 01032. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 2,8. Усл. кр.-отг. 3,32. Учетно-изд. л. 2,4. Тираж 15 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 6—385.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес полиграфкомбината 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

25 коп.

Молодая гвардия

